

Полиэтничность и полилингвизм в русской прозе (на материале романов А.Ф. Вельтмана «Саломея» и В.П. Аксенова «Ожог»)

Аннотация:

В статье рассматривается на материале романов Александра Вельтмана «Саломея» и Василия Аксенова «Ожог» соотношение понятий полиэтничности и полилингвизма. На примере использования полонизмов в каждом из произведений выявляется отсутствие обязательного соответствия феномена текстового полилингвизма полиэтничности состава изображаемых персонажей. Полиэтничность также не всегда сопровождается отражением ее на языковом уровне, хотя это явление часто отмечается в русской литературе XIX–XXI вв. Рассматриваются состав и функции полонизмов в каждом из романов.

Ключевые слова:

полилингвизм, полиэтничность, полонизм, повествование, прямая речь

Natalya E. ANANYEVA
(Moscow)

Polyethnicity and Polylingualism in Russian Prose (Based on the Novels by A.F. Veltman «Salome» and V.P. Aksenov «Burn»)

Abstract:

The article examines the relationship between the concepts of polyethnicity and polylingualism based on the novels by Alexander Veltman «Salome» and Vasily Aksenov «Burn». By the example of using polonisms in each of the works, the author reveals that the phenomenon of textual multilingualism does not necessarily correspond to polyethnicity of the heroes depicted. Polyethnicity is also not always reflected at the language level, although this reflection is often presented in Russian literature of the XIX–XXI century. The inventory and functions of polonisms in each of the novels are analyzed.

Keywords:

textual polylingualism (multilingualism), polyethnicity, polonism, narration, direct speech

Под полилингвизмом в статье понимается вкрапление (или «внесение», по терминологии И.В. Гюббенет¹) в русский текст фрагментов иноязычного кода разнообразной протяженности, от целых пассажей до отдельных предложений, словосочетаний и слов разной частеречной принадлежности, включая онимы. Полилингвизму отнюдь не всегда соответствует полиэтничность, поскольку иноязычные элементы могут вкладываться в уста русских персонажей, о чем свидетельствует отражаемый русской литературой XIX в. францужско-русский билингвизм русского дворянства, наиболее ярко представленный, в частности, в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. К иноязычным элементам, не связанным с функцией национальной маркированности героя, относятся также варваризмы в авторской наррации. Так, А.П. Чехов часто употребляет латинизмы, включая медицинские термины, известные ему как получившему профессию врача. На примере двух русских произведений, относящихся к разным периодам и творческим направлениям, — романов «Саломея» Александра Фомича Вельтмана и «Ожог» Василия Павловича Аксенова — мы рассмотрим связь (а также отсутствие таковой) между употреблением иноязычных элементов (в первую очередь польских, но не только) и полиэтничностью.

Роман А. Вельтмана «Саломея» (1846–1848) из цикла «Приключения, почерпнутые из моря житейского» повествует о похождениях авантюриста Николая Дмитрицкого и злоключениях его возлюбленной Саломеи Петровны Брониной, которые благополучно завершаются добровольным поселением их на золотых приисках в Сибири. Польские языковые элементы (не всегда корректные) появляются на страницах романа тогда, когда авантюрист Дмитрицкий приезжает в Бердичев, потом в Киевскую губернию, общается с местными поляками (паном Жельньским, затем появляющимся в повествовании графом Черномским, который оказывается на самом деле Жельньским, к которому Дмитрицкий нанимается слугой под именем Матеуш, меняясь впоследствии с Жельньским-Черномским местами и превращаясь из мнимого слуги в мнимого же его господина), т.е. когда действие романа перемещается на польские Кресы (восточные границы бывшей Речи Посполитой). При этом польский языковой компонент, как обычно на Кресах, сочетается с еврейской

аурой, отражая полиэтничный состав местного населения. Автор следующим образом, с вкраплениями полонизмов (нами выделенных здесь и далее курсивом) описывает атмосферу Бердичева, куда прибыл офицер-картежник Дмитрицкий: «Там-то, в Бердичеве, тьма казначеев, тьма ремонтёров, тьма понтёров, тьма Эстерок или Эсфирей, Лий, Рахилей, которых называют Рохлями, жидов-евреев-иудеев-факторов, контрабандистов и талмудистов, панов, панн и паненок, шляхтянок и гардеробянок. Чудо! Корчмы, бильярды, карты, коханки, мазурки, панские реньчки и ножи, сто тысенц дьяблов и цо ёце? — больше ничего не нужно, все есть»². Еврейский колорит создает, помимо непосредственной номинации национальности (жиды-евреи-иудеи) и обычного занятия евреев (фактор), целый комплекс еврейских антропонимов. Ср. кроме имен, приведенных в процитированном отрывке, также серию антропонимов, имеющих наглядно-примерное значение («побеседовать с какой-нибудь *Рифкой*, ... или с *Пейсой*», «Глядь, из какой-нибудь лавки крадется *Хайм*»³ или обобщенное значение (ср. плюративы: «из всех лавок бегут *Хаймы*, *Мошки*, *Иоски*, *Абрамки* и *Шлёмки* с узлами»⁴).

Помещики Киевской губернии отпускают приехавшей с Дмитрицким Саломее комплименты вроде «*барзо есэм сченсливы, цо мялэм хóнор видзець такэ велькэ дамэ! ...*» и прощаются с Дмитрицким, говоря: «*террас юж время до косцёлу; до зобаченья пане, у пана грабе Черномского! Так есть?*»⁵. В сноске указаны переводы с польского, при этом в первом формы единственного числа («*есэм сченсливы*» — польск. *jestem szczęśliwy* «я счастлив», «*мялэм хóнор*» — польск. *miałem honor* «я имею честь») заменены формами множественного числа: «*Весьма счастливы, что имеем честь видеть такую знатную даму*», «*Теперь уже пора в костел, до свиданья, пан, у пана графа Черномского*»⁶. Автор отмечает, что «польское наречие» этих помещиков «странно», что является намеком на специфику «кресового» диалекта. В наррацию, описывающую Бердичев, также вставляются отдельные польские слова: «*прилечь на канаве*» (польск. *kanapa* «диван»), «*для приезда вельможных панов*», «*в руки панские*», «*жидовское местечко*» (старый полонизм — польск. *miasteczko*). Дмитрицкий, в очередной раз поменяв личину и представ в образе купеческого сына Прохора Васильевича Захолустова, тоскует о Киевской и Подольской губерниях, «где просто величали

его *пан Дмитрицкий*, и где как ласточки кружились около него *пан-ны*, где *паны* предлагали ему ставить на карту деньги, а *паннны* сердце»⁷. Фамильные антропонимы *Желын(ь)ский*, *Рацкий*, *Черномский* (употребляются обычно с квалификатором национальной принадлежности пан), имена *Матеуш* и *Ян* также создают атмосферу «польскости».

Воспользовавшись тем, что слуга Черномского Матеуш заболел, Дмитрицкий нанимается к «грабе Черномскому» в слуги, а затем происходит очередное «переодевание» (проявление «карнавализации» по М.М. Бахтину) — Дмитрицкий превращается в хозяина (позднее, помимо вышеуказанной «маски» купеческого сына Захолустова, Дмитрицкий претерпевает еще одну метаморфозу, выступая в роли венгерского магната Волобужа). В беседах Матеуша-Дмитрицкого с Черномским-Желын(ь)ским также отмечены полонизмы. В первую очередь они характерны для высказываний Черномского, но встречаются также и в обращениях к нему Дмитрицкого: неоднократные *пан* и *пане*, *вельможный пане*, *ясновельможный мосци пане грабе*, наречие *добже* «хорошо». Приведем фрагмент бесед Черномского с псевдо-Матеушем (нередко имеющих гибридный польско-русский характер): «А *цо* там еще? — Я, *пане грабе*. — *Почекай!*» (дан перевод для второй и третьей фраз в сноске: «Я пан граф», «Подожди»)⁸; «Гей! Матеуш!... — Здесь, *пане грабе*. — Да *ходь* же скоро, *свiньня!*»⁹; «... *пан* не велел выносить вещей из коляски [Дмитрицкий Черномскому. — Н. А.] — *Як* не велел? *Свiньня* не велела... ну! — Я сейчас принесу важи, — сказал Дмитрицкий, — садись, *пан!*»¹⁰; «— Яне! Пить!... Аттанде! Я *зiбью тзго пшеклентзго хлана!*... Пить, *пане!*»¹¹ — Черномский Дмитрицкому. Еще до того как Дмитрицкий бросил в Киеве Саломею, между ним и Черномским состоялся следующий разговор, в языковом плане также представляющий собой текст гибридного типа: «— А *цо* за така мизерна гистория? — спросил Черномский. — А то, *пане*, не гистория, а интродукция в историю, — отвечал Дмитрицкий. — Разумем, *пане*, то итука! Я мыслил же — *панья* в самом деле *жiона пана*. Да *ходзим* же, *ходзим*, юж время! — Сейчас, — сказал Дмитрицкий»¹². Гибридный характер имеет не только целый текст, но и его отдельные лексические компоненты, о чем будет сказано ниже, при анализе средств русификации польских элементов.

Употребляя польские лексемы в диалогах с Черномским (ср. «— *Добже, пане грабе*»¹³; «— Ты не знаешь, что я *пан грабе, вельможный пан?*»¹⁴ и др.), Дмитрицкий в том числе использует калькированные с польского конструкции (ср. «*Что пану потрібно?*»¹⁵ и польск. *Co panu jest potrzebne*; «Чашка чаю *шелега не стоить*»¹⁶ и польск. *nie wart złamanego szeląga*) — «и ломаного гроша не стоить»). Полонизм, употребленный Дмитрицким, может быть повтором произнесенного Черномским польского выражения, своего рода его «эхом». Например: «— *Цо то есть!* — проговорил пан [Черномский. — Н. А.], задыхаясь. — А вот *цо то есть*: смотри на себя, безобразная рожа!»¹⁷; ср. также повторение Дмитрицким употребленной сначала Черномским *гистория* в приведенном выше диалоге. Заметим, что никакого отношения не имеет к польскому языку употребляемое Дмитрицким и в наррации слово *важи*, несмотря на помету польск. к его русскому переводу в сноске («кладь, багаж»): «— Я сейчас принесу *важи*, — сказал Дмитрицкий»; «Дмитрицкий внес *важи* и подушки»¹⁸. На самом деле *важи* — это большие чемоданы или сундуки, прикрепляемые на крышу возка или кареты. В связи с обычным изготовлением этих чемоданов из коровьей кожи лексему *важи* возводят к фр. *vache* «корова». Слово *важи* употребляется, например, Л.Н. Толстым в «Анне Карениной».

Желын(ь)ский-Черномский, превращенный Дмитрицким в слугу Матеуша, мечтает о женитьбе в следующем внутреннем монологе, также имеющем гибридный русско-польский характер: «Моя *стара пани Желынска не мыслит* и не гадает, что я женюсь на *панне* Наталии! Женюсь себе, и кончена речь! *Го!* Что же тут такого? То не женатый *пан Желынский* женится, а холостой *пан грабе Черномский*. *Пан Желынский* уж стар; а *пан грабе*, когда *перукарж* уладит парик и умастит *перфумами*, — просто юноша»¹⁹. Лексемы *перукарж* и *перфумами* переведены в сносках: парикмахер и духами. С польским идиомом соотносятся также отдельные слова Черномского-Желын(ь)ского в русскоязычных фразах (*пановать* «царствовать, господствовать»), его восклицания («*Панна матка Бога!*», «*Для Бога*» = «ради Бога», «*Панья Матка Бога!*»), а также употребленная им по отношению к Дмитрицкому стяженная (в соответствии с закономерностями польского языка) форма («*пан Дмитрицки*»).

Надо сказать, что иногда различие между авторской нарративной и прямой речью с полонизмами иллюзорно. Так, вышеуказанные «панские реньчки», «сто тысяч дьяблов и цо ёще?», вставленные в описание Бердичева, по сути являются цитатами из высказываний местных «панов, пани и паненок», хотя и не выделенными формально. Собственно описание и цитаты поляков слиты здесь в едином по форме нарративном комплексе. Этот своеобразный комплекс, пользуясь терминологией Бахтина, можно назвать полифоническим, включающим голос автора и передаваемые посредством этого голоса голоса безымянных польских персонажей.

Полонизмы, как образующие целые высказывания, так и фигурирующие в виде отдельных вкраплений в прямой речи и в нарративе, относятся к разным частям речи.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

1. Номинации лиц

- по социальному признаку: *грабе* (польск. *hrabia* «граф»), *пан* и *пани* // *панья* (польск. *pan, pani*), *шляхтянка* (польск. *szlachcianka* «дворянка, шляхтянка»);
- по возрасту: *паненка* (польск. *panienka* «девочка, барышня»);
- по семейному положению и родственным отношениям: *жѳна* (польск. *żona* «жена»), *матка* (польск. *matka* «мать, мама», здесь только в составе сакральной номинации — см. ниже), *панна* (польск. *panna* «незамужняя барышня, девица»);
- по занятию или профессии: *гардеробянка* (польск. *garderobianka* «горничная» — в современном языке сохранилось в специализированном значении «костюмерша»), *перукарж* (польск. *perukarz* «парикмахер»), *фактор* (польск. *faktor* «комиссионер, посредник»);
- по межличностным отношениям: *коханка* (польск. *kochanka* «возлюбленная, любовница»);
- сакральные: род. мн. *дьяблов* (польск. *diablów* от *diabeł* «дьявол, черт»), *матка Бога* (польск. *matka boska* «Богоматерь»).

2. **Названия денежных единиц:** *шелег* (польск. *szeląg* ист. «шелёнг» — разновидность мелкой монеты; сохранилось в составе вышеприведенного фразеологизма).

3. **Названия танцев:** старый полонизм *мазурка* (польск. *mazur, mazurek*).

4. Названия косметических средств: твор. мн. *перфумами* (польск. *perfumy* «духи»).

5. Названия частей тела: *речьки* (польск. *rączki* «ручки»).

6. Религиозная терминология: старый полонизм *кощёл* (польск. *kościół* «костел»), а также вышеприведенные сакральные имена из группы 1. «Номинации лиц»).

7. Абстрактные существительные разной семантики: *гистория* (польск. *historia* «история»), *хóнор* (польск. *honor* «честь»), *штука* (польск. *szuka* зд. «фокус, трюк»).

Глаголы

- движения: *ходь* (польск. *chodź* «ходи!» — 2 л. ед. ч. императива от глагола *chodzić* «ходить»), *ходзим* (польск. *chodzim* или устар. *chodzim* — 1 л. мн. ч. презенса, возможно употреблено в функции формы 1 л. мн. ч. императива *chodźmy*, отсутствующей в русском языке);
- обладания: *мялэм* (польск. *miałem* «я имел, у меня был (-о, -а)» от глагола *mieć* «иметь»);
- мышления: гибриды *разумем* (польск. *rozumiem* «я понимаю» от глагола *rozumieć* «понимать»);
- подчинения и возвышения над чем-либо, кем-либо: *пановать* (польск. *panować* «царить, господствовать»);
- зрительной перцепции: *видзець* (польск. *widzieć* «видеть»);
- деструктивы: гибриды *зábью* (польск. *zabije* «убью» от глагола *zabić* «убить»);
- избавления от чего-либо: *ратуйте* (польск. *ratujcie* «спасите» от глагола *ratować* «спасать»).

Прилагательные (в том числе генетические причастия): *мизерна* (польск. *mizerna* «несчастливая, бедная»), *панские* (польск. *pańskie* «господские»), род. ед. м. р. *тшеклентэго* (польск. *przeklęty* «проклятый»), *свента* (польск. *święta* «святая»), *стара* (польск. *stara* «старая»), *сченсливы* (польск. *szczęśliwy* «счастливый»), (*ясно*)*вельможный* (польск. (*jaśnie*) *wielmożny* «сиятельный»).

Наречия

- степени: *барзо* (польск. *bardzo* «очень»);
- качества: *добже* (польск. *dobrze* «хорошо»);
- времени: *теппас* (польск. *teraz* «сейчас»);
- образа действия: *эуце* (польск. *jeszcze* «еще»), *юж* (польск. *już* «уже»), *як* (польск. *jak* «как»).

МЕСТОИМЕНЯ

- неродовые: *co* (польск. *co* «что»);
- родовые: *take* (польск. *taka* «такая»), *to* (польск. *to* «это»).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ: *тысену* (польск. *tysiąc* «тысяча»), некорректно употреблено в функции род. мн. — о причинах такого употребления см. ниже).

МЕЖДОМЕТИЯ: *go!* (польск. *ho* «ого-го»), *для Бога* (помещаем, не смотря на раздельное написание в группу междометий, т.к. соответствует польск. междометию *dlaboga* «ради бога, боже мой»).

В романе представлены также типичные польские синтагмы: директив с предлогом *do* (*do koscjelu*), конструкция «*Так есть*» (польск. *tak jest* «это так»).

В приведенных контекстах с полонизмами (как нарративных, так и отражающих прямую речь персонажей) встретились, с одной стороны, некоторые некорректные польские формы, а с другой — модифицированные на русский лад. При этом некорректность польской формы в ряде случаев (но не всегда) одновременно может быть связана с отражением особенностей русского идиома и стремлением «приблизить» польский языковой элемент русскоязычному читателю. К некорректным польским формам, не имеющим никакой функциональной нагрузки, относятся: в наррации — *реньчки* — польск. *raczki* «ручки» (в транслитерации следовало бы написание *рончки*); в прямой речи — *есэм* (пропуск *m* — польск. *jestem*), вин. ед. ч. ж. р. адъективов с окончанием *-э* (*такэ велькэ* — польск. *taką wielką*, т.е. в транслитерации было бы *такон велькон*), корневое *a* вместо *o* в *хлан* (которое было бы уместно в качестве отражения чешской формы или аналога южнославянских идиомов, но никак не соответствующее польск. *chłop*), удвоение *p* в *террас*, возможно, вследствие ложной ассоциации с *терраса* (?) (польск. *teraz* «сейчас»), окончание *-у* в *до косцёлу* (польск. *do kościoła* «в костел»), неизменяемость лексемы *грабе* (польск. *hrabia* «граф», род. ед. *hrabii* или *hrabiego*). Неправильности, обусловленные воздействием русского языка: в нарративе — род. мн. сущ. ж. р. *панн* (польск. *panien*), наличие беглого *o* на месте польск. *e* в род. мн. сущ. ж. р. (*паненок* — польск. *panienek*, *шляхтянок* — польск. *szlachcianek*, *гардеробянок* — польск. *garderobianek*), окончание *-ой* в твор. п. ед. ч. сущ.

ж. р. («с молоденькой гардеробяжкой»), окончание *-ов* (польск. *-ów*) в род. мн. сущ. м. р. (*дьяблов*), нестяженная флексия им. мн. прилагат. *-ие* в *панские* (польск. *pańskie* «господские»), форма им. п. ед. ч. *тысенц* в функции род. мн. в *сто тысенц* по типу русск. *сто тысяч* (при этом русск. *тысяч* — форма род. мн. от существительного-числительного ж. р. *тысяча*, а польск. *tysiąc* — им. п. ед. ч. м. р., польское корректное словосочетание *sto tysięcy* — с формой род. мн.). Модифицированные под воздействием русского языка формы из прямой речи: окончание *-а* в *паньа* (род. ед. *паньи* употреблен даже в наррации) при отсутствии в русском идиоме слов. ж. р. на *-и* (форма *паньа* отмечена также в устах русского, говорящего с поляками, точнее принимаемыми им за поляков, в «Наездах» А. Бестужева-Марлинского); употребление *со* вместо *że* в качестве союза под влиянием русск. *что* (*есэм сченсливы, цо мялэм хонор...* — польск. *jestem szczęśliwy, że miałem honor...*); окончание *-ого* в род. ед. антропонима *Черномского* (польск. *Czernomskiego*); показатель 3 л. ед. ч. презенса *-т*, превращающий польскую форму *myśli* в русск. *мыслит* «думает»; *а* вместо *о* в корне формы 1 л. ед. ч. презенса *разумем* (польск. *rozumieć*); употребление мягкого знака (в формуле прощания *до зобаченья* под влиянием русск. *до свиданья* — в польском *do zobaczenia i* употребляется для обозначения мягкости предшествующего согласного и не передает звука [j], в отличие от русского соответствия, то же в *свінья* — польск. *świnia*; в 3 л. ед. ч. экзистенциального глагола *есть*, благодаря чему польск. *jest* преобразуется в русское слово; в инфинитиве *видзець* — польск. *widzieć*). Кроме польских форм (вин. ед. сущ. ж. р. *дамэ* — польск. *dame*, вокатива м.р. твердой разновидности *пане* — польск. *panie*, *Яне* — польск. *Janie*, 1 л. ед. ч. м. р. прош. вр. *мялэм* — польск. *miałem*, форм адъективов с окончанием род. ед. м. р. *-эго тэго, пшеклентэго*, стяженных форм им. п. ед. ч. адъективов м. и ж. р. *свента* — польск. *święta*, *стара* — польск. *stara*, *мизерна* — польск. *mizerna*, *така* — польск. *taka*, *сченсливы* — польск. *szczęśliwy*, форм 2 л. ед. ч. императива *хоть, почекай*), «польскость» отражают также определенные фонетические средства: передача звуков *dź* и *ć* сочетанием *дз* и буквой *ц* (*видзець, косцелу*), простановка парокситонического ударения (*ула-на, ёще, хонор, жона*). Место ударения может быть единственным показателем «иноязычности» лексемы (ср. *свінья* — польск. *świnia*,

éце — польск. *jeszcze*). Интересна уже отмеченная выше гибридная польско-русская форма *зábью* (у Черномского), где место ударения и префикс соотносятся с польским, а основа и флексия русские (польск. *zabije*).

Живущее на Кресах еврейское население тоже употребляет полонизмы, главным образом обращение *пан* // *пане*, *вельможный пане*, *вельможный пан* (как обращение и как номинация польского господина), восклицания (ср. совпадающий с восклицанием Черномского экскламатив «*Панья матка Бога!*»), употребленный торговцем-евреем). В полонизмах, как и в русской речи евреев, представлено обычное для русской литературы средство передачи фонетических особенностей еврейского акцента: замена шипящих согласных свистящими (*з* вместо *ж*, *ц* вместо *ч*, *с(ь)* вместо *ш*, *ци* вместо *чи*: «*А вот зе вельможный пан, самые луция покрывала... каких луце не бывает! Усь если пан хоцет иметь, так усь пан будет ласков купить вот это*»²⁰). Слово сочетание *пан будет ласков* соотносится с польск. *niech pan będzie laskaw* «будьте добры, будьте любезны». Кроме того, в речи евреев отмечаются и единичные вкрапления из идиша.

Подобно полонизмам в устах Черномского-Жельинского или элементам идиша у представителей еврейского населения функцию национальной маркированности персонажа играют германизмы у немца Иоганна, галлицизмы у француза Андре и — уникальное явление для гипертекста русской литературы — румынизмы (молдаванизмы) в устах жительницы Ясс куконы (т.е. госпожи, барыни) Катиньки (вдовы капитана *де-почт* и капитана *де-тырк* — тоже румынизмы, обозначающие «начальника почты» и «городничего») и ее окружения. Как известно, Вельтман, являясь по образованию военным картографом (выпущен из Школы колонновожатых в чине прапорщика), начиная с 1818 г. более 20-ти лет провел в Бессарабии, занимаясь составлением карт недавно вошедшей в состав Российской империи территории. Здесь он познакомился с будущими декабристами (В.Ф. Раевским, М.Ф. Орловым) и А.С. Пушкиным и, между прочим, видоизменил свою шведскую фамилию Вельдман на Вельтман. Длительно пребывая в Бессарабии (только в 1831 г. он ушел в отставку с военной службы в чине подполковника), Вельтман, безусловно, знал румынский (молдавский) язык, элементы которого использовал, описывая обитателей Ясс. Во всех этих примерах полилингвизм со-

ответствует полиэтничности. Но в романе Вельмана есть и случаи несовпадения данных явлений. Так, Дмитрицкий в одном из своих воплощений — «маджара» магната Волобужа — употребляет элементы ряда языков: «Казалось, что это был воплощенный *космополит, европеец неопределенного языка, vagabond* [бродяга. — Н. А.], объехавший для препровождения времени весь свет и посетивший на закуску, *pour la bonne*, Россию. С своим слугой, немцем, он говорил *по-немецки, как француз; с французом — чичероне — по-французски, как англичанин; с половым — по-русски, как чех*, и в дополнение пересыпал свои речи *латинскими, итальянскими* и даже *турецкими* восклицаниями; а распевал и бранился *на всех земных языках*»²¹. Приводятся примеры всех этих иноязычных «внесений» (включая не перечисленные в цитате англицизмы: *Goddem! My heart goes pitta-patt!* «Черт возьми! Моё сердце трепещет!»), которые мы не будем приводить, поскольку предмет нашего исследования — полонизмы. В заключение разбора романа «Саломея» заметим только, что латинизмы, галлицизмы и итальянизмы фигурируют также в наррации, т.е. опять же не связаны с понятием «полиэтничности».

Перейдем к анализу романа XX в. — написанному В.П. Аксеновым в 1969–1975 гг. «Ожогу». Роман писался «в стол», в состоянии той степени внутренней раскрепощенности, которая подразумевает невозможность издания этого произведения в СССР. «Ожог» был издан уже после 1980 г. (год отъезда В.П. Аксенова в США), в эмиграции. Писатель в романе дал волю и своему языку и фантазии, сочетанию автобиографического и исторического (приезд Толика фон Штейнбока — alter ego Аксенова — в Магадан к сосланной туда после тюрьмы матери; переживания в августе «Шестидесятого Проклятого», т.е. 1968 г., связанные с вводом советских войск в Чехословакию; историческая встреча партийного руководства с советской интеллигенцией, на которой Глава (Хрущев) громил отдельных деятелей культуры; и др.) с фантастическим. Магадан 1940–50-х гг., Москва, Ленинград, любимый автором Крым 1960–70-х гг. — это калейдоскоп мест, описываемых событий романа, героями которого являются постоянно выпивающие пять представителей советской интеллигенции (писатель Пантелей Аполлинариевич — Пантелей — в юности Толик фон Штейнбок, ученый Аристарх Аполлинариевич Куницер — Арик, врач Геннадий Аполлинариевич Малькольмов, му-

зыкант Самсон Аполлинариевич Саблер (Самсик) и скульптор Радий Аполлинариевич Хвасищев — Радик), представляющие собой собирательный образ шестидесятников. Их родовое единство, «братство» по духу демонстрирует идентичность отчеств (Аполлинариевичи). Автор буквально «захлебывается» внутренней свободой самовыражения, как в формальном отношении, так и в плане содержания. Проза перемежается со стихами и фрагментами ритмизированной прозы, в собственный текст (в соответствии с поэтикой постмодернизма) вставляются прецедентные фразы из прозаических и стихотворных произведений других авторов. Так, автор, подойдя к зеркалу, цитирует начало стихотворения Владислава Ходасевича «Перед зеркалом» («Я, я, я... что за дивное слово! / Неужели вон тот — это я? / Разве мама любила такого?»)²², одна из главок романа называется начальной строкой стихотворения Осипа Мандельштама «Бессоница, Гомер, тугие паруса». Прецедентная номинация может стать основой для языковой игры (ср. преобразование шекспировского «Сна в летнюю ночь» в название стихотворения «Сон в лёгкую ночь»). Ср. также нанизывание цитат из Лермонтова и Блока: «И все-таки... люблю отчизну я, но странную любовью»... «какому хочешь чародею»... «О Русь моя, жена моя...»²³ и так далее. Реальные герои того времени, как прямо упоминаемые в романе (Паркер, Гиллеспи, Марина Влади, Окуджава, Бродский, Найман, Рейн и многие другие), так и в виде аллюзий (на Хрущева — Главу или Кукиту Кусевича, на Сулова — Верховного Жреца, на Вознесенского, на Евтушенко и др.) соседствуют с вымышленными. Средством показа «обжигающей» советской действительности — ср. символическую значимость словосочетания «ожог солнечного мороза»²⁴, встретившегося в тексте, — являются ирония и сарказм. Достаточно привести в качестве примера абсурдное письмо от Марины Влади, обнаруженное при обыске у Самсика вместе с «расческой, забитой перхотью», польским журналом (о нем подробнее см. ниже), «двумя сырыми пельменями, завернутыми в носовой платок», «пожелтевшей от времени пачкой презервативов» и «донорской книжкой», в котором Марина Влади отказывается ехать с Самсиком на целину, хотя в соответствии с «традициями русских женщин» готова поехать с ним «в любую дыру — хоть в Реюньон, хоть в Тананариве, хоть бы в Марсель», а также просит прислать ей в Париж «немного консервов»²⁵. В романе широко употребляются

вульгаризмы и обценная лексика (почерпнутая из двух основных источников — эротики и терминологии, относящейся к отпращиванию естественных потребностей), а также представлено большое число варваризмов. Из варваризмов главенствующее место занимают англицизмы (причем не только в речи «англо-американского кореша» Патрика Тандержета или ялтинского хиппи с его «*Чилдрен*» и «*Кам ту*», но и в наррации), реже отмечены галлицизмы и германизмы. Польские языковые элементы также играют в романе свою роль. С одной стороны, они маркируют национальную принадлежность персонажа, а с другой, эпатируют читателя авторским знанием польских словечек и реалий, подобно вводимым в текст немец. *шпацирен* («курортный *шпацирен*»), *Гутен таг*, *хунд* в предложении «Человек сильнее *хунда*», фр. *монамур*, *тур бель Франс*, *Пари* и англ. *факк* или целых фраз на английском языке (типа *If you like I can see take my car*). При этом, если англицизмы приводятся и в английской графике, и в транслитерации, то полонизмы передаются только гражданским шрифтом.

Функцию национальной маркированности польские языковые элементы выполняют в речи сосланной в Магадан полупольки-полуангличанки Алисы: дважды произнесенная ею фраза: «*Проше пана, цо то ест за место, гдзе мы пишехали?*»²⁶ В ответ на вопрос Толика фон Штейнбока «Вы полька или англичанка?» следует ее ответ — «*Мой ойтец поляк, а матка — английка?*»²⁷. Если польские названия родственников в этой фразе корректны, то национальность матери номинирована окказионализмом, не существующим в польском языке. Польско-английское происхождение Алисы призваны подтвердить ее гибридные польско-английские фразы: «*Але то ни повинно быть!... Итс импосибл, мой коханий!*»²⁸. В русской речи Алисы также вставлены полонизмы: «...эти *кобеты* делали со мной ужасные вещи» (Там же). Алиса употребляет и польские антропонимы (*Мачек*, *Эльжбета*): «— Ах, *Мачек*, *Мачек*, ты помнишь папу и маму? *Донт фогет* сестрицу *Эльжбету*, *Мачек*»²⁹. Польско-русско-английскую смесь представляет и обращенная к Алисе речь Мачека: «— Ты *ниц* не бойся, Алиска! *Донт би эфрейд!* Сифилиса не бойся! Тайги не бойся! Стоп край! У меня есть крючок в карантинном УРЧе! Я блатной малый, ничего не бойся! *Але мы еще бендземы вдома энд ю улл би сингинг «Червоны маки на Монте-Кассино!»*»³⁰. Мачек упоми-

нает название прецедентного польского текста Реф-Рена, известного русским шестидесятникам (вспомним, например, «Песенку» И. Бродского). В толпе прибывающих на Колыму арестантов отмечаются *конфедератки* — обязательный компонент польского интертекста русской литературы XIX–XX вв. Полонизмы приписываются и неведомо какой национальности «европейнке» *пани Грете* (или «паненке»), воспитывавшейся в коллеже Святого Августина на окраине Лозанны. Полонизм «*холера ясна*» вставлен в ее русскую речь, где одновременно фигурирует и «внесение» из немецкого языка: «Уходи, уходи, русский! Цум тойфель немедленно! К тшорту, холера ясна!»³¹ В наррации в перечне одежд «пани Греты» указаны «*пантефлы*» (искаженное польское *pantofle* «туфли»).

Примером манифестации писателем читателю своего знания польских слов является употребление словосочетания «*пшепрашаем пани*» (вместо корректного *пшепрашам* — польск. *przepraszam*), обращенного к стюардессе отнюдь не польских авиалиний. Желанием продемонстрировать знание Польши, ее языка и реалий (и одновременно отразить интерес шестидесятников к этой стране, ее языку и культуре) объясняется частотность употребления хоронима *Польша* («костелы *Польши*», перелеты цапли «из Литвы в *Польшу*» и даже странный маршрут — в Россию из Японии «через *Польшу*»). Польский топоним *Закопане* присутствует в ритмизованном отрывке: «Впоследствии, встречаясь на приемах, сухой мартины тихо попивая, о театральных фокусах болтая, политики прилежно избегая, а больше на мартины налегая, они в глаза глядели осторожно, и все о *Закопане* было там»³². Упоминаются автором и прецедентные имена польских деятелей культуры и литературы: актера *Збигнева Цыбульского* (его «замутненные очки»), писателя «черной волны» *Марека Хласко*, чьи произведения были напечатаны в обнаруженном у Саблера во время обыска польском журнале «*Лонпросту*» (польск. *po prostu* «просто»). По всей видимости, калькой с польского является и употребленное в наррации словосочетание *штука мяса* (польск. *sztuka mięsa* «отварное мясо»). «Польский акцент» звучит и в исполняемом генералом Чувиковым куплете «От Орла до Замостья / Тлеют польские кости, / Над костями шумят ковыли...»³³.

Лексический состав употребленных в романе полонизмов включает следующие части речи:

- ▶ **СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ** разнообразной семантики: (названия лиц по социальному, возрастному и половому признаку: *кобета* — польск. *kobieta* «женщина», *пани*, *паненка*; названия родственников: *ойтец* — польск. *ojciec* «отец», *матка* — польск. *matka* «мать, мама», названия одежды и обуви: *конфедератка* — польск. *konfederatka* — вид головного убора, искаж. *пантефлы* — польск. *pantofle* «туфли»);
- ▶ **Глаголы:** (3 л. ед. ч. презенса экзистенциального глагола *быть* — *буć есть* — польск. *jest* — «есть», 1 л. мн. ч. буд. вр. этого же глагола *бендземы* — польск. *będziemy* «мы будем», модальный глагол-прилагательное *повиниен* в виде формулы *не повинно* — польск. *nie powinno* «не должно»; 1 л. ед. ч. презенса глаголов речевой деятельности в функции формул вежливости — *проше* — польск. *proszę* «пожалуйста», *швенпрашем* — польск. *przepraszam* «извиняюсь»; 1 л. мн. ч. прош. вр. глагола движения *мы шиухали* — польск. *przyjechaliśmy* «мы приехали»);
- ▶ **Местоимения:** (*ниц* — польск. *nic* «ничто, ничего», *чо* — польск. *co* «что», *то* — польск. *to* «это»);
- ▶ **Прилагательные:** (*коханый* — польск. *kochany* «любимый», им. мн. *червоны* — польск. *czzerwone* «красные», *ясна* — польск. *jasna* «ясная» как компонент клише *холера ясна* — польск. *cholera jasna* «черт возьми!»);
- ▶ **Наречия:** (*Попросту*) — польск. *po prostu* «просто» как название журнала, *где* — польск. *gdzie* «куда, где»);
- ▶ **Союз:** *але* — польск. *ale* «но».

Модифицированные под влиянием русского языка польские формы: 1 л. мн. ч. прош. вр. *мы шиухали* (с отсутствием показателя лица по образцу русск. *мы приехали*), окончание русского языка *-ы* вместо *-е* (*пантефлы*, редуцированный в безударной позиции вследствие русского иканья / ыканья *e > ы* в *червоны* — польск. *czzerwone*), нестяженное окончание *-ый* в им. ед. м. р. прилаг. (*коханый*). Влиянием русск. *дома*, вероятно, является форма «вдома» (контаминация предлога *в* — ср. польск. *w domu* — и наречия *дома*).

Таким образом, анализ романов А. Вельтмана «Саломея» и В. Аксенова «Ожог» подтверждает необлигаторность соответствия феномена текстового полилингвизма полиэтническому составу изображаемых героев. Полиэтничность присутствующих на страницах

произведений персонажей также не всегда сопровождается отражением ее на языковом уровне, хотя это явление довольно часто отмечается в гипертексте русской литературы XIX–XXI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации художественного текста. М., 2009. С. 128.
- ² *Вельтман А.Ф.* Саломея: Приключения, почерпнутые из моря житейского. М., 2004. С. 11.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 173.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 368.
- ⁸ Там же. С. 242–243.
- ⁹ Там же. С. 246.
- ¹⁰ Там же. С. 247.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 176–177.
- ¹³ Там же. С. 246.
- ¹⁴ Там же. С. 249.
- ¹⁵ Там же. С. 246.
- ¹⁶ Там же. С. 241.
- ¹⁷ Там же. С. 249.
- ¹⁸ Там же. С. 247.
- ¹⁹ Там же. С. 283.
- ²⁰ Там же. С. 257.
- ²¹ Там же. С. 473.
- ²² *Аксенов В.П.* Ожог. СПб., 2017. С. 159.
- ²³ Там же. С. 139.
- ²⁴ Там же. С. 199.
- ²⁵ Там же. С. 37.
- ²⁶ Там же. С. 263.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 264.
- ²⁹ Там же. С. 266.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 238.
- ³² Там же. С. 111.
- ³³ Там же. С. 213.